

Солженицын Александр
Исаев

13.05.04

Пророки не в своем отечестве

Жорес Медведев, Рой Медведев. «Солженицын и Сахаров. Два пророка». М., Время, 2004

Константин КЕДРОВ

Пророки — весьма опасные люди. На одно прозрение тысяча заблуждений. Еще Спиноза блистательно доказал, что библейские пророки имели весьма смутное представление о мироустройстве. Попросту говоря, были невеждами даже в пределах познаний своего времени.

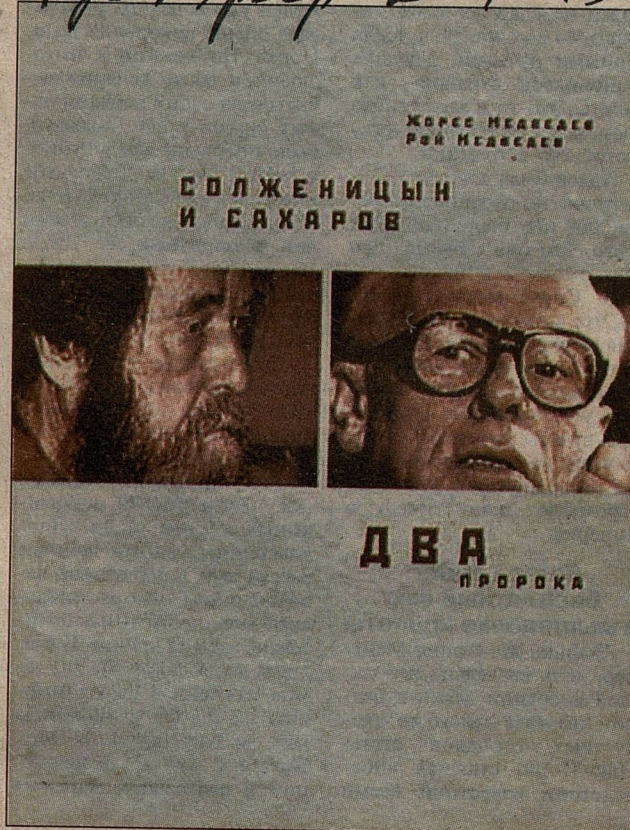
Я бы поостерегся именовать пророком человека, создававшего для Сталина водородную бомбу и верящего в социализм с человеческим лицом. Сахаров не пророк, он — прозревший. Изобретал водородную бомбу и одним из первых понял, что главная опасность для человечества исходит от его изобретения.

Открытое письмо Сахарова к членам политбюро в 60-е годы считалось фантастикой и донкихотством. Однако события дальше разворачивались не по Брежневу и Андропову, а как раз по Сахарову. Все мы помним, как Горбачев прерывал академика словами: «Ну хватит!» — а агрессивно-послушное большинство закивало его невнятную речь. И тем не менее ясно, что если бы к Сахарову прислушались в 60-е, а потом в конце 80-х, наш выход из мировой изоляции не был бы таким болезненным. И не сопровождался бы распадом большой страны. Но кто и когда слушал провидца? Только такие же подвижники. А таковых всегда очень и очень мало.

Солженицын пророчествовал по-библейски, прежде всего свидетельствуя и обличая зло, о котором многие знали, но не отваживались заговорить вслух. Россия начала прозревать, прочтя «Один день Ивана Денисовича», хотя там была лишь одна тысячная правды о советских репрессиях. Но и одной тысячной хватило, чтобы процесс брожения начался.

Читающий мир начал исцеляться от коммунистических иллюзий, когда был пе-

Рус. Курьер - 2004 - 13 мая - с. 9.

реведен на английский «Архипелаг ГУЛАГ». Обличительная нобелевская лекция Солженицына — третий шедевр, открывший России и миру глаза на тоталитарную суть коммунизма во всех обличьях. И тут в споре с Генрихом Бёллем и насквозь марксистской европейской интеллигенцией прав был Солженицын. Хорошего коммунизма нет в природе. Коммунизм един во всех своих видах. За ним всегда маячит ГУЛАГ.

Медведевы, конечно же, с Александром Исаевичем не согласны. Они ему все про правильный, лабораторный марксизм. Но Солженицын сидел не в кабинетном раю марксизма, а в конкретном концлагере, и тут его на мякине не проведешь. Зато с удивительной легкостью Солженицын уверовал в очищенную русскую национальную идею. Что это такое, никто не знает. Здесь конкретен не пафос утверждения, а пафос отрицания. Отрицает Солженицын западноевропейский и амери-

канский путь развития. Он иронически относится к панславистам, евразийцам и русофобам, но фактически в унисон с ними называет свободу разнузданностью. Не однозвучно, но однозначно. Солженицын, конечно же, не опускается до того, чтобы определять национальную принадлежность по крови. Для него важно, на каком языке человек говорит и в какого бога он верует. Но и среди культурных религий и наций есть, оказывается, главная культура и главная нация. Разумеется, русская. Она, само собой, самая лучшая, хотя другие тоже хорошие. Александр Исаевич верит в светлое прошлое, «не испоганенное реформами Петра». Его не смущает, что в том светлом прошлом людей публично сажали на кол, четвертовали и освежывали. Солженицын не видит преемственности ГУЛАГа Сталина от ГУЛАГа Ивана Грозного. Одним словом, он настоящий пророк. Видит только то, что хочет видеть.

И, как всякий пророк, он имеет на это право.

Просто не надо смешивать жанры.

Сахаров — ученый. «Образованец», если пользоваться терминологией Солженицына. Для Сахарова, верящего в научный прогресс, крайне важна научная аргументированность и доказательность. Он не убеждал, он доказывал, и доказательства его в основном неопровержимы: только путем свободы страна может выбраться из сталинских завалов. Нельзя стать или быть передовой, великой державой без свободного обмена информацией. Солженицын этого не понимает. Он искренне верит, что у России есть некий национальный секрет спасения. Правда, в чем сей секрет состоит, Александр Исаевич не разглашает. Лишь иногда он произносит магическое слово «земство», вкладывая в него все, что Ленин вкладывал в «Советы», такие же мифические, как земство. Для Солженицына совершенно непонятен и неприемлем мир, где главная ценность человек — свободная личность, а не нация и держава. Для Сахарова приоритет общечеловеческого над идеологическим и национальным — аксиома.

Перед нами два противоположных полюса одной России. Солженицын и Сахаров — пророк и ученый. Умом Солженицына не понять, аршином общим не измерить. Сахарова можно понять умом и только умом. Парадокс, но Солженицын нанес мировому коммунизму гораздо более ощутимый удар, чем Сахаров своим открытым письмом в политбюро. В письме все было правильно, но оно было направлено адресату, не умеющему читать. Адресатом Солженицына стали все люди независимо от национальности и вероисповедания. Каждое его слово доходило даже до самого отдаленного слуха. Взгляды Александра Исаевича, высказанные вне художественного текста, ужаснули мыслящую Америку, мыслящую Европу и даже мыслящую Россию. В нем есть нечто от Аввакума, который

был прав, когда обличал, и ничем не отличался от обличаемых, когда что-нибудь утверждал. Таковы парадоксы любого пророческого сознания. Пророка надо слушать, но нельзя его слушаться.

Историческая встреча провидца с пророком — Сахарова с Солженицыным — состоялась в 70-е годы. Пророк пророчествовал. И, как все пророки, в чем-то был прав. Не может быть коммунизма с человеческим лицом. Не может! России не следует равняться на Запад, где человек принижен (Вот бы нам так «принизиться»). Но Восток еще хуже (Что верно, то верно.). У России свой путь. Куда? Оказывается, в допетровский рай. Многопартийность устарела. Ну это еще Ленин вешал, и даже Герцен о загнивающей, гниющей и пахнущей шанелью парламентской демократии.

Провидец Сахаров не возражал пророку Солженицыну. А что тут возражать? Еще Черчилль говорил, что демократия несовершенна, но ничего лучшего человечество пока не придумало. От лекарей один вред, но в странах, где лечатся только травмами, люди живут на тридцать лет меньше, умирая без помощи медицины.

Дуэт Сахаров — Солженицын — идеальная модель для знаменитого принципа дополнительности Нильса Бора. Их точки зрения несовдими. Это две параллельные, которые пересеклись лишь однажды, когда вся Россия рванулась к свободе. Рванулась, но тотчас же отпрянула и, как водится, раскололась надвое.

Обоюдоострый меч Сахаров — Солженицын рассек железную цепь тоталитаризма, а дальше все не по Сахарову и не по Солженицыну, а по Некрасову: «Порвалась цепь великая, порвалась — рассколется: одним концом по барину, другим по мужику!» Диалог Сахаров — Солженицын — это спор зрячего с острослышащим. Один хорошо видит, другой хорошо слышит. Или наоборот. Но в то же время кто-то из них, по очереди, глух или слеп, и с этим ничего не поделаешь.